

Театр нужен не только для здоровых людей, и не столько, скажем в скобках...

Ася Волошина.

Слова, вынесенные в эпиграф, принадлежат Дине — героине первой сцены спектакля «Ад — это я» по пьесе петербургского драматурга Аси Волошиной, «голоса нынешней молодёжи», как её называют критики. Волошинские пьесы идут в театрах страны и за её пределами. 4 февраля с.г. волею случая я оказалась в медиа-центре Новой сцены Александринского театра (наб. Фонтанки, 49А), где состоялась двухчасовая открытая репетиция вышеназванного спектакля (постановка режиссёра Ильи Мошицкого). Так как вход на действие был свободным, по предварительной регистрации, разновозрастная публика буквально врывается в небольшой зал, минуя девушек со списками приглашённых. Было здесь много дам, подбирающихся к серебряному возрасту (мужчин у нас гораздо меньше), которых можно встретить почти на всех бесплатных мероприятиях города: на экскурсиях, лекциях, концертах и т.п. Их энергии и тяги к искусству можно только позавидовать, ведь подчас они посещают несколько подобных мероприятий в день, и организаторы всегда обеспечены публикой, кстати, очень благодарной.

Как и было заявлено в анонсе, действие спектакля началось в зрительном зале, один из «зрителей» оказался актёром Алишером Умаровым, поведавшим нам слишком затянутую историю одного своего трудового будничного дня в аквапарке, где он работает аниматором в образе лося (или оленя, уже не помню). А далее последовал

со «сцены» двадцатиминутный монолог автора, вложенный в уста талантливой молодой актрисы Екатерины Крамаренко (впрочем, все создатели спектакля молоды), перешедший в истерику, главная мысль которой сводилась к разглагольствованиям о самоубийстве, так как с потерей памяти (якобы) жить больше незачем. Драматург А. Волошина упоминает в этом отрывке имена выдающихся представителей русской литературы, в частности, цитирует (здесь с помощью актрисы) записи из послереволюционных дневников З.Н. Гиппиус. А вот А. А. Блок был представлен не очень корректно (хотя, как сказать), вернее, цитируемая героиней его дневниковая запись, касающаяся гибели «Титаника» в 1912 году: «Есть ещё океан». Поэт был поклонником стихий. Он, в отличие от упомянутой выше Гиппиус, и большевистскую революцию приветствовал, как освежающий стихийный взрыв. В том, что эта стихия ничего хорошего на русскую землю не принесла, Блок скоро убедился. Но его пример заставил подумать (отключившись от полубредового крика Дины) над другой темой, а во благо ли — угнетение стихий, то есть научно-технический прогресс? Не знаю, подразумевала ли это А. Волошина, помещая в пьесу высказывание Блока...

Любопытно, что в ходе небольшой беседы со зрителями после первой сцены выяснилось, что некоторые (в частности, пожилая дама, воспитанная явно на классике) не почувствовали в Динином монологе суицидальные мотивы, а увидели муки творчества, что опровергла последующая сцена от лица молодого человека (актёр Андрей Кондратьев), которому один священник из Томска (!?) написал в фейсбуке письмо с просьбой спасти девушку Дину, так как она хочет покончить с собой. Далее следуют опять-таки излишние подробности: как герой добирался до дома девушки, что и кого там увидел и т.п. Здесь опять идёт отсылка к классике, на сей раз, к Чехову в связи с зелёно-красным одеянием Дины. В теории цвета такие оттенки усиливают друг друга, получается контрастное, кричащее сочетание. Зрители на репетиции Дину в этом наряде не видели, но, благодаря убедительной игре актёра её можно реально представить. Она, правда, выскочит на несколько секунд вперёд к зрителям (белый верх, чёрный низ) с криком о знаковых чеховских цветах в его пьесах (все фразы в этом спектакле для лучшего, по-видимому, усвоения повторялись по несколько раз).

Касательно этих комплиментарных цветов. Согласно, у Чехова зелёный — цвет гармонии, а красный цвет предвещает гибель («Три сестры»); «яркость» в одежде у него — признак «духовной истощённости» героя. Пестрота красок скрывает внутренние изъяны,

становящиеся явными. В данном спектакле обращение к классике, вероятно, оправдано.

Жаль, что рассказчик приехал тогда к Дине не под рождество, так бы он мог нарядиться в красный (!) костюм Санта-Клауса и принести ёлку (зелёную!), может, и будущего самоубийства героини и не было бы тогда!? А так оно действительно произошло, и об этом нам рассказала подруга (коллега) Дины — героиня Анастасии Балугевой — актрисы яркой, харизматичной, очень пластичной (у неё помимо театрального, и хореографического образование). Её исполнение нескольких маленьких ролей впечатлило меня больше всего. Кстати, Анастасия — одна из ведущих актрис Нового Императорского театра (оказывается, есть у нас в городе такой). Встреча с его представителями прошла в ноябре прошлого года в стенах библиотеки «На Стремянной», в рамках цикла «Театр. Live». Вопреки концепции этого театра, А. Балугева старалась угодить публике (раздеваться, правда, было не обязательно), а не выгнать её вон из театра. Меня, как и других зрительниц, сидевших в первом ряду, Анастасия в финале даже угостила мандарином.

Понравилась сцена с исполнением песни о любви (композитор Дмитрий Саратовский). А. Балугева и А. Кондратьев оказались, к тому же, талантливыми вокалистами. А далее — намёк на лесбийскую сцену и очередной монолог А. Балугевой, на сей раз от лица заключённого, к которому на свидание приехала не любовница, а жена, интимные подробности и т.д.

Органичности в этом спектакле я не увидела, он ещё не дышит (может, потому что это репетиция?), а пластические изыски (за исключением А. Балугевой) смотрятся неестественно, они не обжиты, не согреты личным актёрским присутствием, ведь актрисы — красивые молодые девушки, у которых, кажется, всё в порядке с личной жизнью. Не думаю, что им свойственно в жизни трагическое мироощущение, пронизывающее текст пьесы Аси Волошиной.

Интересно, что почти такое же название, как новая пьеса, — «Ад — это я», имела рецензия А. Волошиной — в то время критика — почти десятилетней давности, посвящённая спектаклю «Калигула» (по А. Камю) в московском Театре наций, где сплелись любимые драматургом темы, связанные с медленной агонией души, опасными играми с богами, границами любви, одиночеством и пустотой. Кстати, моноспектакль «Ад — это я» по мотивам дневников знаменитого художника Энди Уорхола — он тоже был зажат между двумя мирами — прошёл несколько лет назад в Москве в рамках финисажа выставки «Малкович. Малкович. Малкович»...

Ася Волошина, как она заявила в одном из интервью, пишет про себя и про современников. Вот только мне почему-то не захотелось решать судьбы её современников, и произошедшие (происходящие) в нашей стране события показаны с условной сцены хаотично, без системы, с долей провокации. Актёры разглядывали зрителей в ходе спектакля с небольшого расстояния; во мне они видели, что я чувствовала себя подчас неудобно, тогда как с моими молодыми соседками по ряду они, возможно, взаимодействовали.

Я не знаю, зачем была продемонстрирована подробная сцена — обсуждение, связанная с темой добычи медвежьей жёлчи (слово повторялось, как мантра). Думаю, в зале были не дураки, и хоть немного в теме. Или это какой-то намёк!? В России продаётся данная жёлчь, и мы, потребляя этот продукт, по мнению драматурга, финансируем ад на земле для медведей, проводящих жизнь в крошечных клетках, страдающих, сходящих с ума. А, может, здесь медведь — олицетворение России, атрибут российского государства!?

В конце спектакля «Ад — это я» актёры и зрители под колокольный звон почтили минутой молчания память сожжённых (видимо, под Ангарском) верблюдов. Тот ритуальный обряд был проведён год назад впервые в истории современной страны, якобы для «укрепления народов России!» Мысль понятна, только почему на сцене сразу же начались танцы под шумную и отнюдь не лирическую музыку!?

Ну и окончательно меня «убила» сцена чтения автором пьесы прямо из зрительного зала текста об Эдипе, женившемся на своей матери. Общеизвестно, что она, узнав о том, что Эдип её сын, кончает жизнь самоубийством. Из волошинского же текста следует наоборот, что кровосмешение — это нормально, естественно (!); оргазм — это вообще нечто основополагающее, сближающее и объединяющее людей, чуть ли не главное в жизни.

На мой взгляд, взаимодействия артистов и зрителей во время открытой репетиции спектакля не получилось. Но репетиция была для меня небесполезной: воспользуюсь советом А. Волошиной — не рисковать и стану посещать только классические постановки (хотя теперь, увы!, их так мало), где услышу русский, а не «новый язык».

Санкт-Петербург Февраль 2020 г.